
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

ВАРТАНЯН Р. Г.

Кавказский регион является многонациональным. В настоящее время на его территории существуют следующие суверенные государства: Азербайджан, Армения, Грузия и национальные образования иного типа: Абхазия, Аджария, Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная и Южная Осетия, Чечня. Вместе с тем здесь проживают такие народности, как абазинцы, ногайцы, таты и другие, не имеющие государственности. Русское население живет во всех национальных образованиях Кавказа. Кроме того, в каждом национальном образовании живут представители других национальных образований Кавказа, а также представители народов СНГ.

Подавляющее большинство народов Кавказа составляют младописьменные и бесписьменные народности, как имеющие свои национально-государственные образования, так и входящие в состав национально-государственных образований других народов или образующие общую с другими народами государственность (например, Дагестан). Младописьменные народы – аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, а также агулы, ритульцы, цахуры проживают в Дагестане, Азербайджане, Грузии; чеченцы – в Чечне, Грузии и Дагестане; ингуши – в Ингушетии, Чечне, Северной Осетии; осетины – в Северной и Южной Осетии, Грузии; кабардинцы и балкарцы – в Кабардино-Балкарии; адыгейцы – в Адыгее; абазинцы, карачаевцы и черкесы – в Карачаево-Черкесской Республике; абхазы – в Абхазии; ногайцы – в Чечне, Дагестане, Ставропольском крае.

Бесписьменные хиналугцы, будухи, крызы, удинцы живут в Азербайджане; бесписьменные андо-дидойские народности, признающие себя аварцами, проживают в Дагестане.

В Грузии проживают бесписьменные цова-тушины (бацбийцы), менгрелы, сваны, считающие себя грузинами.

Таким образом, Кавказский регион отличается многообразием национального состава его населения. Все это создавало и создает

определенную почву для возможных конфликтов в регионе, в том числе и на национальной основе. Более того, в результате миграционных процессов представители практически всех народностей Кавказского региона проживают и за его пределами, нередко образуя собственные диаспоры на территории других стран.

Политическая ситуация в Кавказском регионе всегда отличалась своей сложностью. Остается она таковой и сейчас. Хотя новые геополитические условия накладывают на политические процессы на Кавказе свои специфические особенности.

Новая геополитическая ситуация в мире, сложившаяся в результате распада Советского Союза и мировой социалистической системы, определила комплекс проблем национальной, региональной и международной безопасности, которые в совокупности и определили геополитический облик современного мира на рубеже XX и XXI вв. Возникновение новой геополитической ситуации исследователи нередко связывают исключительно с самим фактом распада Советского Союза, при этом отсчет «нового геополитического времени» ведется именно от этой даты. Несомненно, исчезновение такого гигантского государственного образования, как СССР и возникновение на его территории пятнадцати новых государств, важнейшее событие современности. Вместе с тем оценка перспектив общемировой ситуации на глобальном (как, впрочем, и на региональном) уровне, в ее геополитическом аспекте подразумевает учет и целого ряда других факторов, не связанных непосредственно с этим событием.

Следует отметить, что в конце 1980-х годов, еще при существовании СССР, уже начала складываться принципиально новая геополитическая ситуация в мире в целом. Ее характеризовало следующее.

Во-первых, прекращение жесткого противостояния СССР и США (с их союзниками по Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО), начавшееся с провозглашения Советским Союзом принципиально новой, неконфронтационной внешней политики. Новая внешнеполитическая стратегия была принята на XXVII съезде КПСС в марте 1986 г. Нынешний председатель ТПП РФ, бывший в свое время министром иностранных дел РФ, академик Е. М. Примаков в этой связи следующим образом оценил формирующуюся в тот период геополитическую ситуацию в мире: «Диалектика между разделом мира на две противоположные части при

сохраняющемся и даже возрастающем его единстве – особенно в условиях, когда перед человечеством во весь рост встала проблема выживания, – проявляется в том, что противоборство между капитализмом и социализмом объективно должно протекать в формах мирного соревнования и мирного соперничества”¹. Таким образом, уже в 1986 г. определились контуры нового, все еще “двухполюсного”, но неконфронтационного мира.

В июле 1986 г. М. С. Горбачев во время пребывания во Владивостоке сделал заявление о развитии на новой основе отношений СССР с государствами Азии; далее последовала серия договоренностей по сокращению вооружений. Важными вехами в этом процессе явились заключение советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в Европе, достижение советско-американских договоренностей о новом мировом порядке и др.

Одним из следствий развития неконфронтационной линии во взаимоотношениях с США (уже после распада СССР) явилось осуществление программы НАТО “Партнерство во имя мира” с участием бывших социалистических государств, что, в рамках геополитики, можно рассматривать с различных точек зрения: либо как тенденцию к коренному изменению облика Северо-атлантического блока и превращению его в организацию, принципиально противоположную нынешней, либо как первый шаг к созданию “однополюсного” мира под эгидой США. В обоих случаях – это свидетельство новой расстановки политических сил на мировой арене².

Во-вторых, распад мировой социалистической системы, выразившийся в прекращении деятельности ОВД и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), установлении некоммунистических режимов в государствах Восточной Европы и Монголии, объединении Германии. Важно отметить, что к этому времени те социалистические государства, которые не входили в СЭВ или ОВД (Югославия, Албания, Китай, Северная Корея), фактически уже давно не являлись составляющими мировой системы социалистического содружества. Еще до ликвидации ОВД, в январе 1987 г. было объявлено о выводе части советских войск из Монголии. О намерении вывести войска из Центральной Европы и Монголии Советский Союз заявил еще в декабре 1988

¹ Примаков Е. М., *Философия безопасности* (Правда, 17. III. 1986).

² Larrabee S., *East European Security after the Cold War* // RAND, CA. 1993.

г.: это намерение было сформулировано в речи М. С. Горбачева в ООН о новых принципах советской внешней политики.

В-третьих, вывод Советских войск из Афганистана. Как известно, 25 лет назад советские войска вошли в Афганистан. Задача была такой: встать гарнизонами, в бои не вступать, обеспечить безопасность коммуникаций и объектов, своим присутствием поддерживать «демократическую власть». Но очень скоро от первоначального замысла пришлось отказаться. До недавнего времени мелкие стычки местных исламских экстремистов с просоветским левым режимом Кабула превратились в организованное широкомасштабное сопротивление «оккупантам», поддержанное большей частью мирового сообщества. Уже к середине 1980 г. 40-я армия втянулась в самую настоящую войну – с крупными войсковыми операциями, бомбоштурмовыми ударами с воздуха, использованием систем залпового огня и массированных артиллерийских налетов.

Еще летом 1986 г. М. С. Горбачев заявил о выводе до конца года шести полков Советской армии из Афганистана. Однако собственно вывод войск начался после заключения Женевских соглашений в мае 1988 г. и завершился в феврале 1989 г. Решение о выводе войск имело большое значение не только в качестве шага в реализации новой внешней политики СССР. Оно существенным образом изменило геополитическую ситуацию в регионе Западной и Южной Азии.

Уход СССР из Афганистана не ознаменовал наступления мира в этой стране. «Афганский узел» стал одной из острейших болевых точек Азии, по сей день продолжающих оставаться значимым фактором региональной геополитики. В конфликт в дальнейшем прямо и косвенно были вовлечены Пакистан, Таджикистан, Иран, Узбекистан, Туркменистан и, наконец, США.

Важно помнить и еще об одной тенденции, сложившейся к концу 1980-х – началу 1990-х годов – «исчезновении» коммунистической идеологии в качестве базового и единственного источника формирования внешнеполитических концепций как Советского Союза, так и целого ряда других стран.

Таким образом, к моменту распада СССР (1991 г.) уже начала складываться принципиально новая геополитическая ситуация. Ликвидация Советского Союза как государственного образования явилась еще одним фактором геополитики, внесшим в уже существовавшую ситуацию значительные коррективы.

Следствиями возникновения новой ситуации явились: изменение соотношения сил в планетарном, континентальном и региональном масштабах, формирование новых и расширение прежних региональных интеграционных групп, а также возникновение новых очагов нестабильности. Сложившаяся геополитическая ситуация имеет беспрецедентный характер и по своим масштабам, и по времени ее формирования³.

Еще одним важным следствием указанных процессов явилось формирование новых очертаний геополитических регионов. В связи с возникновением почти двух десятков новых независимых государств (бывшие республики СССР, государства на территории бывшей Югославии, Чехословакии) возникает естественный вопрос об их соотношении с существующими геополитическими общностями.

Наиболее очевидной является принадлежность пяти центрально-азиатских государств, Азербайджана, Албании, Боснии и Герцеговины к Мусульманскому миру⁴, что в той или иной степени заявлено и руководителями самих этих государств. Однако понятие “Мусульманский мир” носит, скорее, цивилизационный, а не геополитический характер, и мера участия бывших республик СССР в общемусульманской интеграционной группе – Организации исламской конференции – пока еще в основном не определилась.

Исследователями высказывалась, в частности, идея, согласно которой новые государства Центральной Азии и Закавказья, а также Турция, Иран и Афганистан могут быть отнесены к формирующемуся геополитическому региону Южная Евразия⁵. Однако перспектива превращения Южной Евразии в реальный геополитический регион – пока вопрос будущего.

Возможен и еще один подход: новым геополитическим пространством является территория, включающая все государства-члены СНГ, но это пространство отнюдь не адекватно соответствующей территории СССР с точки зрения национальных интересов расположенных на ней стран.

В связи с распадом СССР значительно усложнились системы национальной безопасности отдельных государств: определяющими для них

³ Нартов Н. А., *Геополитика*, М., 2004; Тузиков А. Р., *Основы геополитики*, М., 2004 и др.

⁴ Милославский Г. В., *Интеграционные процессы в мусульманском мире*, М., 1991.

⁵ Дергачев В. А., *Геополитика*, М., 2004.

являются как факторы глобальной и региональной геополитики, так и приоритеты собственно национальных интересов. При этом традиционно позитивные факторы в системе национальных интересов приобретают, нередко, негативный оттенок.

Как отмечает К. Сорокин, автор исследования “Геополитика современности и геостратегия России”, «распад социалистического содружества, а затем и самого СССР не изменил существа перемен, происходящих в структуре международных отношений. В то же время дезинтеграция одного из двух основных глобальных центров силы придала им определенное своеобразие, которого могло бы и не быть, сохранись Советский Союз и область его геополитической гравитации»⁶.

На постсоветском пространстве возникло новое образование – Содружество Независимых Государств (СНГ), объединившее 11 бывших союзных республик, в том числе и республики Кавказского региона – Грузию, Азербайджан, Армению. Но страны СНГ не были едины, несмотря на декларации в вопросе о сути нового Содружества: что это – переходная форма к новой интеграции или форма окончательной дезинтеграции?

С момента образования СНГ не раз испытывало и кризисы, и периоды надежд. В его рамках постоянно происходит борьба между двумя главными тенденциями: интеграционной (симметричная конфедерация вокруг России) и полицентричной (асимметричная, “мягкая” конфедерация, основанная на двусторонних и многосторонних договорах с Россией и другими новыми независимыми государствами). Наиболее действенным из множества документов можно считать Договор о коллективной безопасности (от 15 мая 1992 г.), согласно которому у стран, его подписавших, имеются взаимные обязательства по охране границ СНГ.

Итак, события, предшествующие распаду СССР, и сам факт его распада существенно повлияли на геополитическую ситуацию в мире и на политические процессы, происходящие в странах Кавказского региона.

Стремление к созданию вместо биполярного мира времен холодной войны многополюсного при балансе сил нескольких мировых центров уступает место набирающей силу тенденции к однополярному миру «золотого миллиарда» во главе с США. Ведется ожесточенная борьба за геополитическое наследство СССР и, прежде всего, за влияние на бывшие республики, в том числе и за влияние в Кавказском регионе.

⁶ Сорокин К. Э., *Геополитика современности и геостратегия России*, М., 1996, с. 134.

Сегодня ставится под сомнение исключительность суверенитета национальных государств на своих территориях. Возникли идеи “ограниченного суверенитета”, “права на гуманитарную интервенцию”. Войны в Югославии (1999) и Ираке (2003) велись именно под этим идеологическим прикрытием. На деле это означает, что отныне ни одна страна не может считать себя неприкосновенной перед лицом “мирового сообщества” во главе с США. Новый мировой порядок приобретает черты униполярной системы во главе с США. Так, уже сегодня влияние США достаточно ощутимо в Грузии, когда на бывших советских военных базах хозяйничают американские военные. На территории этой страны сформирован четвертый батальон армейского спецназа, личный состав которого проходит подготовку под началом американских военных инструкторов в рамках программы США “Обучи и оснасти”⁷.

Каспийская нефть также в сфере интересов США. Отсюда их борьба за влияние на политику Азербайджана. Без политической поддержки США, с 1992 года выступающих за создание маршрута транспортировки каспийской нефти, альтернативного российскому, этот проект никогда бы не состоялся. Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан является “важной частью” нефтяной стратегии Америки, разработанной под руководством вице-президента США Ричарда Чейни.

Не менее сильное влияние на страны Кавказского региона оказывает и Турция, являющаяся членом НАТО.

Таким образом, современные суверенные Кавказские республики находятся в сфере геополитических интересов разных стран и даже целых регионов. С одной стороны, это Россия; на другой – США, Европейские страны, мусульманский мир. Говорить об устойчивости выбранных приоритетов самих этих республик – пока еще рано (хотя они достаточно настойчиво заявлены, например, в позиции нынешнего президента Грузии как ориентация на вступление в ЕС).

Современная геополитическая ситуация детерминирована и нарастанием процессов глобализации.

Принято считать, что в настоящее время взятые вместе процессы увеличения масштабы связей, реализуемых международными отношениями, усиления системности международных отношений и взаимозависимости их основных субъектов во взаимообусловленности с

⁷ Москва - Тбилиси: взаимные упреки, М., 2004, с. 53.

решением глобальных проблем человечества образуют явление, которое определяется как глобализация мирового общественного развития.

Глобализация имеет широкий и во многом универсальный характер: она охватывает не только сферу экономики, но и практически все остальные сферы общественной жизни: политику, социальную сферу, систему информации, образование и культуру и т.п.

Характеризуя сформировавшиеся в последние годы теоретические воззрения по проблемам глобализации, можно условно выделить следующие основные концептуальные подходы: 1) гиперглобалистское направление; 2) скептическое направление; 3) трансформационное направление⁸.

Первое из них (гиперглобалистское) связано с абсолютизацией процесса стирания национальных границ и исчезновения культурных различий между странами. Ключевым здесь становится свободное движение капитала, товаров, услуг и информации в рамках единого глобального рынка, процесс формирования которого идет с 1970-х гг. В этих новых условиях, по мнению представителей данного направления, “национальный эгоизм” становится бессмысленным. К числу наиболее ярких его представителей относятся К. Оман⁹, Ф. Фукуяма¹⁰ и Р. Райх.

Представители гиперглобализма, по существу, предсказывают постепенную культурную диффузию, сопровождаемую потерей государствами суверенитета, а в перспективе их отмиранием вообще. Корректно утверждать, что гиперглобализм представляет собой некую романтизированную и одновременно полюсную позицию, в рамках которой абсолютизируются некоторые реально осуществляемые аспекты современного развития общества. По указанной причине позиции гиперглобалистов подвергаются конструктивной критике и в нашей стране, и за рубежом.

Критика гиперглобализма в значительной мере осуществляется в рамках работ представителей так называемого “скептического” направления. К числу его наиболее известных сторонников можно отнести С. Хантингтона, П. Хирста, Г. Томпсона, С. Краснера. Обобщая позиции указанных авторов,

⁸ Мертарчян А. Ю., *Процесс глобализации мировой экономики: институциональный аспект* (Автореф. дисс. канд. эконом. наук, М., 2001, с. 11-13).

⁹ Оман К., *Мир без границ*, М., 1990; *его же*, *Конец национального государства*, М., 1995; *Мысля глобально*, М., 1995.

¹⁰ Фукуяма Ф., *Конец истории и последний человек*, М., 1992.

можно их свести к следующим ключевым тезисам: 1) достижение общей культурной конвергенции в конечном итоге невозможно; 2) происходящее в современных условиях транснациональное движение товаров, услуг, рабочей силы, капитала имеет свою историю и отмечено взлетами и падениями, прогрессом и регрессом; 3) хотя в истории и проявляется определенное ограничение роли государств, угрозы нациям и национальным государствам, тем не менее, не существует.

Как отмечает С. Хантингтон, процессы, идущие в современном мире, способствуют скорее размежеванию и конфликтам, чем культурной гомогенизации мира. В одной из своих знаменитых работ – “Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка” (1996) он, по существу, впервые сформулировал оценку ситуации именно таким образом. После того, как де-факто прекратила существование мировая социалистическая система хозяйства, в системе отношений, пришедших на смену двухполюсному (биполярному) миру, основные различия между людьми и народами стали, по С. Хантингтону, носить не политический и не идеологический, а культурологический характер.

С начала 1990-х гг. был опубликован ряд работ, в которых критиковались положения гиперглобализма. К ним относят произведения таких авторов, как П. Хирст, Г. Томпсон, С. Краснер¹¹.

По мнению этих мыслителей, в современных условиях изменяются формы и методы управления экономикой. Политика в данной сфере становится полицентричной, при этом национальные государства превращаются в один из уровней сложной системы параллельно действующих и конкурирующих органов управления. Для того, чтобы управление было эффективным, необходимо “переплести” органы управления на международном и национальном уровнях в единую, достаточно хорошо интегрированную систему. Но центральное место в процессе “переплетения” должно занимать национальное государство.

В последние годы активизировался анализ противоречий процесса глобализации со стороны и ученых-теоретиков, и ученых-практиков, занимавших некогда важные посты в правительствах своих стран и в

¹¹ Здесь и далее подробнее см.: Иноземцев В. Л., *На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия*, М., 2003, с. 12-15; его же. *Приближение катастрофы* (Свободная мысль, 2000, N 2, с. 21-24); *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи* (под ред. М. Г. Делягина, М., 2000, с. 19-23).

авторитетных международных организациях. Ярким примером такого рода являются работы Дж. Ю. Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 г., основателя сравнительно новой отрасли экономической науки - «информационной экономики».

Дж. Ю. Стиглицем были разработаны концепции «нежелательного отбора» и «морального риска». Используя математические методы, он обосновал невозможность достижения общего рыночного равновесия в условиях неполной, неточной и асимметричной информированности рыночных агентов и несовершенной конкуренции¹².

Оценивая процесс экономической глобализации, Дж. Ю. Стиглиц в монографии «Глобализация: тревожные тенденции» (2002) пишет: «Я продолжаю верить в то, что глобализация, т. е. устранение барьеров на пути свободной торговли и более тесная интеграция национальных экономик, может быть доброй силой, и в то, что в ней заложен такой потенциал развития, который способен улучшить жизнь всех жителей Земли, в том числе и тех, кто сейчас беден. Но я также уверен, что для осуществления этой задачи необходимо радикально пересмотреть механизмы управления глобализацией как в сфере международных торговых отношений, играющих столь важную роль в устранении торговых барьеров, так и в области политики по отношению к развивающимся странам... Источником негативной реакции на глобализацию является осознание не только ущерба, который наносит развивающимся странам политика, ведомая идеологией, но и несправедливости, присущей глобальной торговой системе. Сегодня стало очевидным лицемерие развитых стран, которые под предлогом помощи вынуждают развивающиеся страны открыть рынки для своих товаров, при этом оставляя свои собственные рынки закрытыми. В настоящее время эту лицемерную политику оправдывают только те, чьи узкоэгоистические монопольные интересы связаны с закрытостью рынков развитых стран. Большинству же становится все яснее, что такая политика обогащает богатых и еще глубже опускает бедных в пучину нищеты, вызывая растущее озлобление»¹³.

Значительной спецификой по сравнению с положениями сторонников трансформации или «скептиков» обладают позиции представителей так называемого «трансформационного» направления, среди которых можно

¹² См.: Стиглиц Дж. Ю., *Глобализация: тревожные тенденции*, М., 2003.

¹³ Там же, с. 14-15.

выделить таких авторов, как Дж. Розенау, Д. Хелд, А. Мак-Гру¹⁴. Они выступают против одностороннего и упрощенного понимания глобализации, полагая, что это сложный и многосторонний процесс, протекающий во всех сферах общественной жизни, многоплановый феномен, охватывающий разные сферы деятельности и взаимодействия, при этом порождающий в каждой из них разнообразные формы связей.

Итак, даже краткий анализ перечисленных направлений (гиперглобализма, скептицизма и трансформационного направления) демонстрирует, насколько сложным, неоднозначным и противоречивым явлением выступает процесс глобализации.

Действительно, с одной стороны, глобализация представляет собой закономерный, объективно обусловленный процесс движения к единой мировой целостности, качественно новую наиболее высокую стадию интернационализации общественной жизни (и в этом проявляется объективный аспект глобализации).

С другой стороны, глобализация выступает как форма вполне определенной, в первую очередь, экономической политики, осуществляемой ведущими странами мира (прежде всего, США), крупнейшими транснациональными корпорациями и транснациональными банками, мировыми финансовыми центрами в своих собственных интересах (субъективный аспект глобализации). И с этих позиций странам Кавказского региона отведена отнюдь не главная роль.

Качественно новый этап интернационализации мирового сообщества, развернувшийся в конце XX – начале XXI вв. и основанный на развитии информационных технологий, принято называть глобализацией. При этом можно выделить следующие качественные характеристики данного этапа:

- сокращение экономического расстояния (измеряемого в стоимости транспортных и информационных услуг) между всеми регионами мира, что позволяет объединить их в единое глобальное транспортное, телекоммуникационное, финансовое и производственное пространство;
- появление новых форм организации мирового хозяйства, соответствующих информационному технологическому базису, – глобальных информационных, инновационных, производственных, финансовых сетей;

¹⁴ Новая постиндустриальная волна на Западе (антология под ред. В. Л. Иноземцева, М., 2004, с. 100-111).

- возрастание роли “глобальных фирм и банков” – ТНК и транснациональных банков (ТНБ) в управлении глобальными экономическими процессами;
- развитие региональных интеграционных объединений с наднациональными механизмами управления экономическими процессами (наряду с ЕС активно развиваются менее крупные и не столь институционально совершенные блоки и зоны свободной торговли (НАФТА, АСЕАН, Центральноамериканский общий рынок, МЕРКОСУР /объединение Аргентины, Бразилии, Уругвая), Вышеградская группа стран с переходной экономикой в Центральной и Восточной Европе и т. п.);
- массовое распространение либеральной рыночной модели экономики (переход к рыночной экономике стран Центральной и Восточной Европы, Китая), обеспечивающей рыночную целостность глобальному мировому хозяйству. Для этого МВФ и Всемирным Банком была разработана единая для всех развивающихся и постсоциалистических стран макроэкономическая стратегия рыночных реформ, необходимая для достижения экономического роста в этих странах (данная программа получила название “Вашингтонского консенсуса”)¹⁵. Программа включает следующие элементы: 1) ослабление регулирующей роли государства в экономике; 2) плавающие обменные курсы; 3) снижение торговых барьеров; 4) ускоренное развитие сектора услуг как основной сферы занятости и создания общественного богатства.

Перечисленные глобальные сдвиги в мире на рубеже двух веков свидетельствуют о том, что глобализация качественно отличается от предшествующих этапов интернационализации общественной жизни, основным содержанием которых выступала международная интеграция¹⁶. При этом качественные различия между глобализацией и интеграцией заключаются в следующем.

Во-первых, глобализация является, по всей видимости, необратимым процессом, основанным на объективных сдвигах в сферах коммуникаций, производства, торговли, финансов, культуры, образования и пр. В то же время для предшествующих глобализации периодов интернационализации были характерны и подъемы активности в международном сотрудничестве, и попятные движения к изолированному развитию, вызванные обострением

¹⁵ *Мировая экономика (под ред. И. П. Николаевой, М., 2005, с. 128).*

¹⁶ *Подробнее см.: Аكوпова Е. С. и др. Мировая экономика и международные экономические отношения, Ростов-на-Дону, 2001, с. 45-47.*

политических и экономических межгосударственных противоречий. Поэтому процессы межгосударственной интеграции в отличие от глобализации являются обратимыми.

Во-вторых, глобализация универсальна по субъектам, участвующим в ней. В отличие от межгосударственной экономической интеграции, основными субъектами которой являются страны и их объединения (союзы государств, международные экономические организации /МВФ, Всемирный банк, ВТО/), субъектами глобализации становятся почти все участники международной жизни (ТНК и ТНБ; сетевые организации, состоящие из предприятий малого и среднего бизнеса, местных общин, банков; некоммерческие организации, индивиды).

В-третьих, глобализация является более широким по содержанию процессом, чем международная интеграция. Кроме межгосударственных процессов, регулирующих национальными государствами и надгосударственными органами (по типу ЕС), она включает в себя глобальные транснациональные производственные, финансовые, телекоммуникационные и иные процессы, почти или совсем не поддающиеся государственному регулированию. Являясь сложным и неоднородным по своим проявлениям процессом, глобализация приводит к ряду неоднозначных последствий для развития мирового сообщества, в том числе и для стран Кавказского региона.

С одной стороны, глобализация, обеспечивая единство всех революционных изменений в технико-технологическом и финансово-экономическом базисах, открывает новые возможности, прежде всего, для экономического развития. С другой стороны, глобализация несет ряд отрицательных последствий для мирового сообщества.

Во-первых, глобализация усиливает неравномерность и неустойчивость национального и мирового общественного развития. Например, это связано с разделением национально-хозяйственных комплексов на экспортно-ориентированные производственные цепочки и на те звенья, которые не способны эффективно функционировать в условиях глобального рынка. В результате разрушаются прежде единые внутренние национальные рынки, что приводит к увеличению доли населения, занятого в неэффективных с точки зрения глобального рынка секторах экономики.

В свою очередь, это порождает рост численности населения с низкими доходами и резкое имущественное расслоение на тех, кто пользуется

материальными плодами глобализации, и на тех, кто обделен ими. Причем это касается не только развивающихся стран, но и развитых рыночных хозяйств, в которых увеличивается количество депрессивных регионов и очагов нищеты.

Однако если до сравнительно недавнего времени национальное государство обладало механизмами перераспределения выгод от экспорта среди населения, то появление новых негосударственных субъектов мировой экономики, неподконтрольных государству (ТНК, ТНБ, неправительственных организаций) резко ограничивает его перераспределительные и социальные возможности. В итоге выгоды от глобализации нередко концентрируются у тех экономических субъектов, кто сумел интегрироваться в глобальное хозяйство.

Особенно болезненно эти процессы протекают в странах, лишь недавно включенных в общую структуру мирового хозяйства (к их числу относятся и страны Кавказского региона). Они вынуждены занимать те ниши, которые им определили мировые центры, что чаще всего не соответствует национальным экономическим интересам таких стран.

Во-вторых, глобализация значительно ограничивает роль государства в макроэкономическом и социальном регулировании и изменяет традиционный набор инструментов воздействия государства на внутренние связи.

В рамках национальных хозяйств главным активным субъектом ограничения внешних эффектов выступало прежде государство, которое обладало различными методами воздействия на создающих эти эффекты субъектов. Однако в условиях ограниченного воздействия государства на “глобальные фирмы” эти эффекты не устраняются, а накапливаются, порождая глобальные экологические, политические и социальные проблемы.

Постепенное накопление негативных последствий глобализации и невозможность их нейтрализации силами национальных государств вызывает необходимость перехода на принципиально новый уровень управления процессами – наднациональный. Но и здесь возникает проблема выявления субъектов глобального управления и построения конкретных механизмов воздействия на глобальные процессы.

Таким образом, реализация глобализации в ее современной модели может привести к формированию “нового мирового порядка”, основанного на

“асимметричной взаимозависимости”, когда основными субъектами этого процесса являются ведущие страны мира, а объектами (в значительной мере) – все остальные страны мира. Не будет преувеличением утверждение, что странам Кавказского региона уготовлена именно эта участь.

Следует отметить, что в последнее десятилетие завершился в основных своих чертах процесс перехода от одной парадигмы развития международных отношений, в основе которой лежали принципы геополитики, к иной, в основе которой лежат принципы геоэкономики. “Геополитическая парадигма основывается на защите национальных интересов, понимаемых как недопущение иностранного вмешательства во внутренние дела, обеспечение нерушимости границ... Геоэкономическая парадигма основывается на обеспечении национальных интересов, понимаемых как обеспечение высоких темпов экономического роста через интернационализацию хозяйственных связей и постепенное размывание национальных границ во имя свободы движения товаров, капиталов, рабочей силы, технологии и т. д.”¹⁷.

Подытоживая изложенное выше, сформулируем те основные факторы, которые определяют современные политические процессы в Кавказском регионе в новой геополитической ситуации.

Во-первых, спонтанное возникновение новых независимых государств. В отличие от других стран, появившихся на политической карте мира в последнее столетие в качестве независимых государств, суверенизация бывших республик Союза ССР не явилась результатом более или менее длительной борьбы за независимость, а была обусловлена фактом распада СССР. Отсюда – двойственное состояние практически всех, за исключением Российской Федерации, новых государств-членов СНГ: с одной стороны, они располагают всеми необходимыми атрибутами суверенитета и уже в силу этого обязаны функционировать в этом качестве, с другой – неподготовленность к жизнедеятельности в качестве самостоятельных субъектов реальной мировой политики неизбежно создает все новые проблемы, которые нередко если и не сводят на нет сам факт независимости, то, во всяком случае, существенно образом снижают его значимость.

Рассматривая элементы специфики становления новых государств-членов СНГ, И. Звягельская выделяет четыре наиболее важных среди них:

¹⁷ *Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы (отв. ред. Г. И. Чуфрин, М., 1994).*

1) все они в прошлом составляли не федеративное, а унитарное государство, распад которого оказался для них гораздо более серьезным испытанием, чем, например, для отдельных частей Османской или Британской империй;

2) большинство бывших советских республик лишены исторического опыта существования в качестве независимых государств (если не считать сравнительно небольшой период между Октябрьской революцией 1917 г. и созданием в 1922 г. СССР, можно сказать, что только Узбекистан в некоторой степени может апеллировать к непрерывной традиции государственности; относительно больший, но также незначительный опыт имеют страны Балтии);

3) обретение атрибутов государственности не означает еще подлинного суверенитета, поскольку главная его составляющая – национальное государство – находится еще на этапе становления;

4) за годы Советской власти на территории СССР имел место процесс складывания советской полиэтнической общности, что находит свое отражение в общих элементах ценностных установок и т. п.¹⁸.

Во-вторых, образование “вакуума” по периферии постсоветского пространства и возникновение “конкуренции” за влияние в этом пространстве. Указанный “вакуум” имеет несколько “срезов”: а) идеологический, б) экономический и в) собственно геополитический:

а) исключение коммунистической идеологии из общественно-политического обихода актуализировало необходимость выдвинуть идейную альтернативу (причем в срочном порядке), что с учетом уже отмеченной неподготовленности оказалось на практике весьма проблематичным. Российская модель демократии на первых же шагах показала ее неприемлемость. Естественная для шести мусульманских государств-членов СНГ исламская альтернатива стала таковой лишь отчасти только для Азербайджана. В конечном итоге, проблема заполнения “идеологического вакуума” осталась нерешенной, что существенным образом сказывается, прежде всего, во внутренней политике и, отчасти – в выборе внешнеполитических приоритетов;

б) заполнение “экономического вакуума” могло бы стать источником быстрой стабилизации стран региона. Прогнозы начала 1990-х гг. относительно грядущей в ближайшем будущем острейшей конкуренции за

¹⁸ Восток, 1993, N 6, с. 91.

сырье и рынки стран Кавказского региона в целом не оправдались, причинами чего явились политическая нестабильность, отсутствие необходимой инфраструктуры и т. п. Вместе с тем постепенно намечается тенденция заполнения этого “вакуума”. Так, ориентация Грузии на Запад становится все более очевидной;

в) слабая сопряженность стран региона с существующими интеграционными группировками в сочетании с состоянием “неустоявшейся независимости” создают в регионе атмосферу “политического вакуума”. В этих условиях попытки установления стабильных связей с той или иной страной, что в других условиях отнюдь не означало бы смену приоритетов, часто воспринимаются геополитическими партнерами как “знак предпочтения”. Это неизбежно негативно сказывается на взаимоотношениях с ближайшими соседями, что, в свою очередь, усугубляет и без того сложное положение этих стран.

В-третьих, возникновение новых очагов нестабильности, конфликтных и потенциально конфликтных точек в регионе, о чем речь пойдет ниже.

С точки зрения перспектив интеграции в геополитическом аспекте эта проблема представляется наиболее актуальной, причем она усугубляется существованием таких очагов почти на всей территории бывшего Советского Союза.

Политическая значимость этнических проблем в последнее десятилетие получила особую остроту в связи с бурным развитием процесса национально-культурного самоутверждения всех народов бывшего Советского Союза, повлекшим за собой создание многочисленных общественных организаций, выступающих за возрождение национальных культур, национально-культурную автономию и т. п. с самых различных политических позиций. Важно отметить при этом, что в большинстве своем эти организации, вольно или невольно, вовлечены в политические процессы, что обусловлено общей ситуацией на постсоветском пространстве.

Одним из самостоятельных факторов новой геополитической ситуации на постсоветском пространстве стали проблемы русскоязычного населения в бывших союзных республиках, в том числе и Кавказских республиках. В случае быстрого урегулирования этих проблем (во всех их аспектах) факт присутствия русского (и русскоязычного вообще) населения в новых независимых государствах будет существенным стимулом и одновременно рычагом интеграции; при сохранении же напряженности в этих вопросах –

это очевидный ограничитель интеграции, причем, принимая затяжной характер, проблемы русскоязычного населения усугубляются возникновением новых “болевых точек”, в частности, складыванием местного русского национализма в Центральной Азии, Закавказье, на Украине, в Прибалтике и, соответственно, антирусских настроений среди титульного населения.

В-четвертых, создание новых и расширение старых интеграционных групп. Из существовавших ранее интеграционных групп наибольшее влияние новые независимые государства оказали на Организацию экономического сотрудничества – к ее четырем прежним членам добавились еще шесть государств Центральной Азии и Закавказья, что повлияло определенным образом и на характер ее деятельности. Большая часть государств-членов СНГ и Балтии проявила стремление к участию в деятельности организаций Европейского сообщества.

Среди новых интеграционных групп с участием государств-членов СНГ наиболее значимой с точки зрения становления новой геополитической ситуации является Ассоциация стран Каспийского бассейна. Ее деятельность направлена на кооперацию в освоении объектов Каспия. Организации такого типа не являются принципиально новыми. В данном случае, однако, она имеет особое значение с точки зрения геополитики, принципов и норм международного публичного права, поскольку ни одно прикаспийское государство-член СНГ «не имеет выхода к морю» (!). Каспийское море в данном случае рассматривается как внутреннее море соответствующих государств, то есть де-юре и де-факто – как озеро.

Одновременно с этим транспортные коммуникации, приуроченные к Каспийскому бассейну, имеют для стран региона принципиальное значение. Проблема весьма значима для региона (в равной мере, как и проблема Арала) еще и в связи с тем, что эти моря являются уникальными природными интеграторами, и решение практически любых проблем, связанных с ними, невозможно без участия всех или хотя бы большей части заинтересованных стран¹⁹.

Особую роль для стран постсоветского региона играет (и может играть еще большую роль) Содружество Независимых Государств. Хотя реальные процессы интеграции идут здесь неадекватно, все же, видимо, как

¹⁹ *Pro et Contra*, 1997, т. 2, N 3, с. 72-89.

считают многие исследователи²⁰, именно в СНГ существуют наибольшие потенциальные возможности для становления полноценного независимого развития и обеспечения стабильности всех государств-участников Содружества. Такая оценка основывается на фактах сохранения прежних структурных связей, как на цивилизационном, так и на экономическом уровнях между бывшими республиками СССР.

Вместе с тем существует и диаметрально противоположная точка зрения, сводящаяся к тезису о бесперспективности СНГ как значимой региональной международной правительственной организации и для России, и для других государств-членов. Например: “К сожалению, по-разному складываются отношения России с государствами-участниками СНГ. Положительным результатом является заключение договора о Союзе России и Беларуси. Есть позитивные сдвиги во взаимоотношениях интеграционной “четверки” (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия). В целом, однако, настоящего динамизма в сотрудничестве стран-членов СНГ нет: нарастает груз нерешенных вопросов, сокращается взаимный товарооборот”²¹.

В-пятых, усиление роли мусульманских государств как субъектов международных политических и экономических отношений. Хотя, как отмечалось выше, позиции большинства руководителей мусульманских стран, входящих в СНГ, в отношении мусульманского мира остаются не вполне определенными, сам факт появления на политической карте мира шести (еще больше – с учетом Албании, Боснии и Герцеговины и пр.) новых государств с преобладанием мусульманского населения позволяет ставить вопрос таким образом.

В-шестых, сохранение потенциальной роли ядерного фактора в Евразии обусловлено: а) наличием ядерных технологий и объектов в самих странах-членах СНГ и у их ближайших соседей; б) нерешенностью в полной мере ядерных проблем в связи с распадом СССР; в) отмеченными выше факторами нестабильности на постсоветском пространстве. Одновременно с этим обладание ядерным оружием и соответствующими технологиями в отрыве от общего уровня экономического, политического и социального развития страны с позиций современной геополитики не совсем корректно рассматривать как компонент сохранения высокого международного статуса государства, что косвенно подтверждается следующим: “США исключили

²⁰ Нартов Н. А., *Геополитика, М., 2004*; Тихонравов Ю. В., *Геополитика, М., 2000* и пр.

²¹ *Мировая экономика, с. 479.*

Россию из списка потенциальных конкурентов в борьбе за мировое лидерство как минимум на ближайшие 15 лет. Согласно опубликованному докладу Национального разведывательного совета (НРС), основную угрозу Америке на этом фоне представляют Китай и Индия”²².

Таким образом, в сложившейся ситуации после распада СССР, с точки зрения глобальной геополитики решение проблем новых независимых государств Кавказского региона в ближайшей перспективе может складываться в рамках следующих основных сценариев.

Сценарий 1. Трансформация “двухполюсного мира” в “однополюсный” при доминировании США.

Указанная тенденция, в принципе, уже давно имеет место в современной геополитике, в наибольшей мере отвечая глобальным интересам США, их стратегических (западноевропейских) партнеров и Японии. Очевидно, однако, что такой сценарий вряд ли устроит Россию, поскольку его развитие неизбежно приведет к утрате ею статуса великой державы. Не отвечает он и интересам азиатских государств (за исключением Индии и Китая). Для стран Кавказского региона такое развитие событий повлечет за собой длительную полосу стагнации, поскольку огромный технологический разрыв между ними и развитыми странами Запада станет непреодолимым барьером на пути эффективного экономического сближения. С другой стороны, радикальное ослабление России повлечет за собой развал СНГ как действующей интеграционной группы стран. Ослабление России неизбежно приведет к дестабилизации, как в самой Российской Федерации, так и в других государствах Кавказского региона – участниках СНГ. Одновременно с этим указанный сценарий в обозримой перспективе не отвечает и коренным интересам самих США, поскольку может привести к окончательной потере России для Запада, повлечь непредсказуемые последствия как регионального, так и глобального масштаба, в особенности учитывая роль ядерного фактора на постсоветском пространстве и в сопредельных регионах Азии.

Сценарий 2. Сохранение существующего шаткого “баланса сил” (такая тенденция, вероятно, более подходит экономически развитым европейским странам Запада с точки зрения обеспечения их глобальных геополитических интересов и независимости от США). Реальные возможности России в этом

²² **Грошков И.**, *Разведка США: России не быть лидером. За статус сверхдержавы поборются США, Китай и Индия (Независимая газета, 17. I. 2005).*

варианте практически не сопоставимы с возможностями США и, таким образом, при любом развитии внутрисполитических событий Россия не может рассчитывать на быстрое восстановление статуса великой державы.

Развитие политических процессов по такому сценарию заставляет страны Кавказского региона искать новых союзников среди стран азиатского и иных регионов (например, СЕНТО, дала основу Организации экономического сотрудничества (ОЭС), которая, как по своим задачам, так и по составу участников стала принципиально новым интеграционным институтом, в особенности после включения в нее бывших республик СССР – государств Центральной Азии и Азербайджана)²³.

Сценарий 3. Усиление роли России в глобальной политике с последовательной целью вернуть себе статус великой цивилизованной державы. Такое развитие ситуации подразумевает поддержание процессов сохранения позитивных моментов “двухполюсного” мира, но при этом отнюдь не означает возобновление состояния конфронтации между антиподами периода “холодной войны”, их союзниками и партнерами. Экономически сильная, социально гармонизированная и политически обустроенная Россия, лидирующая в эффективно действующем СНГ (при условии неприемлемости установления идеологического и иного диктата в отношении других участников Содружества) смогла бы обеспечить необходимые условия для создания базы полноценного развития остальных стран Содружества и, вместе с тем, выступить гарантом стабильности в евразийском регионе.

Но при этом, прежде всего, политическая элита самой России, наконец-то, должна определиться, по какому пути следовать стране. В связи с данной посылкой очень точно высказался В. Третьяков: “Пока же страна явно куда-то движется, но неизвестно куда. Точнее так. Россия движется сразу в нескольких, часто прямо противоположных направлениях... Целая серия неудач в политике на постсоветском пространстве, апофеозом чего стала ситуация с украинскими выборами, в которых, как оказалось, украинскую политику России определял (в очередной раз) Леонид Кучма, как всегда обведший Москву вокруг пальца. Наконец, давно назревавший и теперь

²³ *Россия - СНГ - Азия (проблемы и перспективы сотрудничества), М., 1993.*

разразившийся кризис в отношениях России с Евросоюзом и США... Определение национальных целей, национальной стратегии, национальной идеи и подчинение всего бюрократического аппарата и всех корпоративных эгоизмов их реализации становится императивным. Стратегия выживания, простой стабильности, сохранения статус-кво и реактивная политика изжили себя. В 2000 г. они были новацией, почти революционной. Сегодня это топтание на месте”²⁴.

Представляется, что в условиях новой геополитической ситуации сценарий “ 3 в наибольшей мере отвечает национальным и региональным интересам рассматриваемых государств. Вместе с тем он не противоречит уже сложившейся модели неконфронтационного мира, которая в перспективе подразумевает замещение геополитического противостояния геоэкономической кооперацией и интеграцией и междивизиационным взаимодействием.

ԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅՆԵՐԸ ՆՈՐ ԱՇԽԱՐՀԱՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ

ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ Ռ. Գ.

Ամփոփում

Խորհրդային Միության և համաշխարհային սոցիալիստական համակարգի փլուզումից հետո ստեղծված նոր աշխարհաքաղաքական իրադրությունը պայմանավորեց ազգային, տարածաշրջանային և միջազգային անվտանգության հիմնահարցերի մի ամբողջ համալիր, որը և բնորոշեց արդի աշխարհաքաղաքական դեմքը XX դ. սահմանագծին և XXI դ.: Նոր աշխարհաքաղաքական իրադրության հետևանքով փոփոխվեցին ուժերի փոխհարաբերակցությունները մոլորակի, միջմայրցամաքային և տարածաշրջանային մասշտաբներով, կազմավորվեցին միջտարածաշրջանային նոր ինտեգրացիոն խմբեր և ընդլայնվեցին նախկինները, առաջացան անկայունության նոր օջախներ: Նշված գործընթացների ևս մեկ կարևոր հետևանքը եղավ նոր աշխարհաքաղաքական շրջանների ուրվագծումն ու կազմավորումը ի հաշիվ շուրջ երկու տասնյակի չափ նորանկախ պետությունների (ԽՍՀՄ նախկին հանրապետություններ, նախկին Հարավսլավիայի և Չեխոսլովակիայի տարածքներում հայտնված նոր պետություններ): Այս ամենի հետ միասին առաջանում է նրանց բնական փոխհարաբերակցության հարցը առկա աշխարհաքաղաքական հանրությունների հետ:

²⁴ **Третьяков В.,** *Новогодний тост – длинный, резкий и непраздничный (Российская газета, 30. XII. 2004).*